

Некрасова-Каратеева, Ольга Леонидовна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой художественного образования и декоративного искусства. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург, наб. Мойки, 48. 191186. nkol1@yandex.ru

Nekrasova-Karateeva, O'lga Leonidovna, Full Doctor in Art History, professor, head of Department of Art Education and Decorative Art. Herzen State Pedagogical University of Russia, nab. Moiki, 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation. nkol1@yandex.ru

ВОСПОМИНАНИЯ ДВУХ РЫЦАРЕЙ БАЛЕТА

MEMORIES OF TWO KNIGHTS OF BALLET

Пересказываю здесь воспоминания моего свекра — Олега Николаевича Сталинского (1906–1989) — Заслуженного артиста УССР, солиста отечественных театров, автора статей о балете, и цитирую воспоминания Сергея Михайловича Лифаря (Сержа Лифаря) (1905–1986) — французского артиста балета, балетмейстера, теоретика танца, коллекционера и библиофила украинского происхождения.

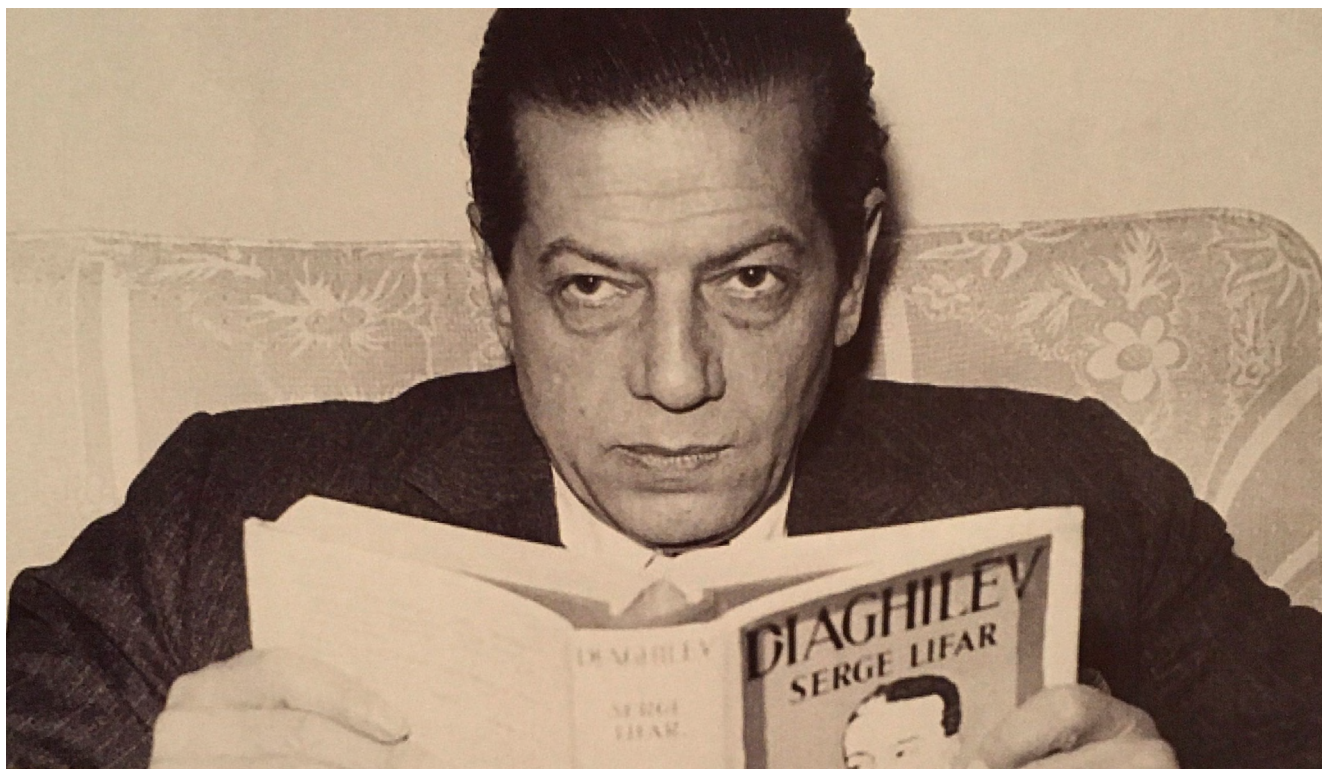
Они появились на свет почти в одно время и в одном месте, в г. Киеве: Сергей Лифарь — 2 апреля 1905 г., Олег Сталинский — 16 января 1906 г.

Сергей был младшим сыном в семье безбедного чиновника государственного департамента вод и лесов, а Олег — младшим сыном в небогатой семье киевского горожанина. Сергей учился в Киевской Императорской гимназии, Олег — в Киевской Городской гимназии. Оба любили музыку: Сергей музицировал на фортепьяно, Олег — замирал от ее звуков. Оба любили читать и бредили героическими романами, европейской и русской классикой, овладели французским и английским языками. Оба любили природу, Днепр был их вольницей и родной стихией.

Сергей с родителями бывал в Москве и Петербурге, посещал театры, но не увлекался их спектаклями, а самозабвенно учился в консерватории, стремился к виртуозному фортепианному исполнительству. Его однокурсником по консерватории в Киеве был знаменитый Владимир Горовиц.

Олег с малых лет любил танцевать, устраивал дома концерты, показывал с братом Севой танцевальные номера. Только слышал музыку, сразу начинал танцевать. Но ему не просто хотелось танцевать, ему всегда было интересно представлять в танце разные образы. Он писал в стихах либретто к своим балетным постановкам, переписывал их и раздавал в руки зрителям. Воображение его было наполнено разными персонажами, и он всегда в танцах показывал их характеры, удивляя и веселя публику.

Однажды, в возрасте восьми лет, гуляя по городу и рассматривая тумбы с театральными афишами, он увидел объявление с приглашением к занятиям в Балетной студии маэстро Захара Лянге и страстно молил отца отвести его туда, чтобы учиться танцам.

Илл. 1. Портрет Сергея Лифаря. 1960

Илл. 2. Серж Лифарь. «Икар». 1935

Балетная студия Захара Ланге была известна в Киеве, и учиться в ней балету было престижно. Частные студии были платными, а у родителей Сталинских средств едва хватало на жизнь. Прочитав в объявлении, что первое занятие (пробное) дается бесплатно, отец и сын отправились к знаменитому хореографу. Мальчик понравился маэстро, и тот предложил Олегу в уплату за уроки участвовать в показательных встречах-концертах по средам, составляемым из разных сольных балетных номеров. Родители, приводившие своих чад в студию на такие концерты за купленные билеты, смотрели эти маленькие спектакли, а юный Олег Сталинский вскоре стал постоянным артистом студии и с радостью разучивал танцы, наполняя ими журфиксы. Он обожал маэстро Лянге и вместе с ним мечтал о театре.

На всю жизнь он сохранил в памяти детские впечатления о театре Киевской оперы, здание которого казалось похожим на сказочный дворец с затейливым убранством — самым большим и красивым в городе. Его можно было долго обходить и рассматривать. Олегу нравилось наблюдать за тем, как солнце и тени играли на фасаде с арками, как солнечные лучи ласкали скульптуры Терпсихоры и Мельпомены, как «взмахивали» крыльями черные силуэты грифонов на фоне закатного неба, а темным вечером в больших окнах зажигались огни ярких люстр. Позже он узнал, что все люстры в Опере привезены из Вены, а отец говорил о том, что проект здания был выигран в «мировом» конкурсе архитектором из Петербурга (В. А. Шрётер).

В театре была своя оперная труппа, в основном состоявшая из украинских певцов, и балетная группа — из польских танцовщиков варшавской школы. Оперу давали с большими танцевальными номерами, но также ставили и небольшие балеты. Олежке иногда удавалось побывать с маэстро Лянге внутри театра и с тех пор, уже взрослым увидев многие театры Европы, он продолжал восхищаться им как в тот первый раз и считал его самым лучшим.

Пришли однажды в студию к маэстро Лянге на журфикс и Сережа Лифарь с отцом. Родители Лифаря были состоятель-

ные люди и готовы оплатить занятия у знаменитого педагога. Олег запомнил эту встречу, он тогда танцевал много и явно чувствовал, что нравится зрителям. Отец Лифарь был особенно удивлен ловкостью и удалью танцев, высотой прыжков и стремительным вращением этого рыжего парнишки. Он попросил пана Захара посмотреть и его сына. Сергей же не проявил большого желания, как-то нехотя прыгал и приседал, и маэстро Ланге сказал, что мальчик тяжеловат, и, пожалуй, ему уже поздно начинать заниматься балетом в 13 лет. Сергей решил продолжать занятия музыкой, игрой на фортепиано.

Олегу же этих занятий балетом было мало, только танец занимал все его мысли. Он тайком пробирался в оперный театр на балетные спектакли и репетиции, знал все постановки, смотрел гастрольные артисты петербургских и московских театров. Особенно его потрясли танцы солиста Большого театра из Москвы Михаила Мордкина (1880–1944). Олег увидел его гастрольные выступления с небольшой труппой, которую в газетах и афишах называли «Балет Мордкина». Мальчик был покори красотою столичного балета и танцевальным совершенством исполнителей. Как-то после выступления артиста мальчик подошел к нему и сказал, что ему очень понравилось, и спросил, можно ли ему побывать на балетном уроке, позаниматься у мастера, понять, как правильно танцевать? Тот ответил вопросом: «У твоих родителей деньги есть? Нет? Вот, когда будут, тогда и приходи!». Надолго осталось в душе подростка большое огорчение.

В 1920 г. Олег Сталинский окончил балетную студию Захара Лянге и в 14 лет был принят (с трудовой книжкой!) исполнителем в музыкально-пластический театр «Маски», так началась его карьера профессионального артиста.

В эти годы — лихие и трагичные, военные и революционные — через родной город Киев проносились губительные, кровавые события: частая вооруженная, жестокая смена властей, насилие, грабежи, расстрелы. Учеба юношей прерывалась, молодые юнкера и пятнадцатилетние гимназисты безжалостно

Илл. 3. Серж Лифарь. «Александр Великий». 1937

Илл. 4. Иветт Шевире и Серж Лифарь. «Ромео и Джульетта». 1949

посылались в бой и гибли, по улицам тянулись толпы беженцев и воинов-инвалидов, в городе не было ни продуктов, ни денег (постоянно менялась валюта), город был объят страхом, тоской, печалью.

Но, как это не покажется странным, позже вспоминал Сергей Лифарь: «Парадоксальным образом случилось так, что наш город Киев, сотрясенный в те 1919–1920 годы войной, был не менее “обласкан” и в плане художественном» [1, с. 200]. На юг, в Киев, приехали, спасаясь из Петербурга, Москвы и других мест, объятых пламенем войны и революции, многие выдающиеся артисты и музыканты, то были, по словам С. Лифаря, «танцы на вулкане».

Киевский оперный театр, частные драматические театры и городские залы-синема предоставляли свои сцены гастролерам. Было на что смотреть и что с чем сравнивать.

Как-то на спектакле нового небольшого музыкально-пластического театра «Маски», который был открыт при Оперном театре, увидела выступление Олега Сталинского и пригласила его к себе в балетную студию Бронислава Фоминична Нижинская — сестра знаменитого танцовщика и хореографа Вацлава Нижинского. Еще в 1913 г., после ссоры Вацлава с Сергеем Дягилевым и его ухода из «Русских сезонов», она тоже расторгла свой контракт и приехала из Парижа в Киев. Бронислава Нижинская сама была опытной балериной, хореографом и балетным педагогом, вошла в руководство балетной труппой Киевского оперного театра и до 1921 г. осуществляла постановки балетов, имевшие успех. В то же время она открыла частную «Школу движения», где по петербургской системе готовила танцовщиков для европейского театра своего брата Вацлава. Олегу очень нравились занятия у Брониславы, он самозабвенно учился у нее, делал заметные успехи. Она была довольна им, побывала у Сталинских дома, познакомилась с семьей, рассказала родителям о его несомненной одаренности и предложила не платить ей за занятия с ним. Мальчик продолжал увлеченно заниматься и участвовать в выступлениях, зарабатывая этим небольшие деньги.

Сергей Лифарь в эти годы все еще мечтал о карьере пианиста-виртуоза, до того момента, когда «генерал Драгомиров решил бросить в бой пятьдесят воспитанников гимназии, включая и меня. ... Большевикские пулеметы трещали. Дождь свинца сметал все живое». Сергей был оглушен взрывом и ранен осколком снаряда в правую руку, потом ее пришлось зашивать, но началась гангрена, и потребовалось длительное тайное лечение. О карьере пианиста предстояло забыть [1, с. 199].

Лифарь вспоминал, что весной 1920 г. ему случилось увидеть, как отдыхали красные всадники на стоянке во время большого перехода, пели и танцевали под духовой оркестр. «Когда великороссы пускались в удалую “Камаринскую”, а украинцы с воодушевлением и восторгом отплясывали гопак, я следил за их движениями. Мощь и сноровка были в этом фольклорном искусстве...» [1, с. 201]. Он почувствовал, как откликается его тело на эти движения и ритмы. В целом же настроение его было подавленным. Он мрачно бродил по Киеву, когда однажды случайный товарищ предложил ему пойти ради интереса в балетную студию Брониславы Нижинской, где танцевала его сестра.

Увиденное там, ошеломило Сергея: «Это было потрясение. Передо мной под музыку Шопена и Шумана танцевали ученики Нижинской, одетые в балетную форму с красной звездой. Я опускаю все детали, только бы сохранить этот образ, который и на склоне лет все еще светится во мне: на исходе сломанного мира, где были только грохот и ярость, я открывал порядок и гармонию, настоящую дисциплину, которых жаждали мой ум и сердце». Возвращаясь домой, он вдруг ясно осознал: «я хочу поступить в студию Нижинской, сестры великого Нижинского. Назавтра же она сухо и лаконично отказала мне в праве поступить в ее студию танца. Для меня это было страшным ударом» [1, с. 202]. Ему уже было 16 лет, и надежды на успех не оставалось. Однако при поддержке тогдашнего художественного руко-

Илл. 5. Серж Лифарь. Граф. «Жизель». 1950

водителя городской оперы товарища Штеймана Сергея Лифаря приняли в кордебалет Киевского оперного театра, где Бронислава Нижинская также вела класс балета.

Там вновь встретились эти юноши. Оба теперь учились балету, работали со страстью и с упорством. Но Лифарю казалось, что «мадам Нижинская словно умышленно игнорировала» его, хотя сам он замечал свои успехи в области техники [1, с. 203].

В 1921 г. тяжело заболел психическим расстройством Вацлав Нижинский, и сестра в заботе о его здоровье стала со-

бираться в Европу. Бронислава Фоминична вновь обратилась к родителям Олега Сталинского теперь уже с предложением отпустить его с нею за границу для дальнейшей учебы и реальной театральной карьеры. Но они отказались от предложения, ведь он был еще юн, каково ему пятнадцатилетнему будет одному далеко от родины и семьи.

Олегу казалось, что он еще слишком малый срок поучился у Брониславы Нижинской, хотелось исполнять ее танцы, она так интересно их придумывала, и их радостно было танцевать. Он был так потрясен ее отъездом, что даже попал в больницу с сердечным приступом, чем удивил опытных врачей. «Школа движения» прекратила свою работу, а повзрослевшие студийцы были приняты в штат Киевского театра оперы и балета. Сергей Лифарь продолжал танцевать в кордебалете, а Олегу Сталинскому стали поручать исполнение сначала небольших сольных номеров в разных балетных и оперных спектаклях театра, но скоро он в свои шестнадцать лет уже стал исполнять ведущие партии молодых персонажей: Лукаш («Лесная песня»), Сафрон («Маруся Богуславка»), Довбуш, Богдан («Хустка Довбуша») и другие.

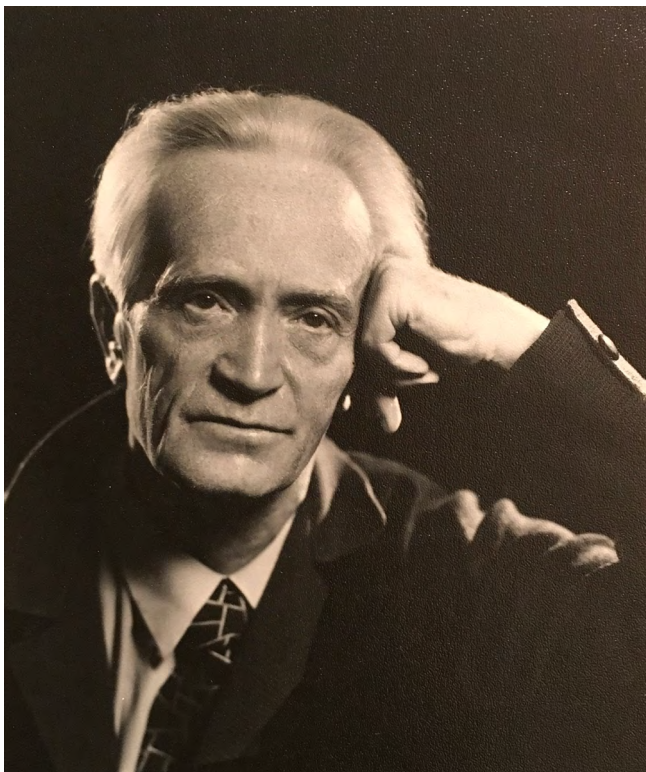
В 1923 г. их пути резко разошлись. Вот как вспоминал об этом Сергей Лифарь: «В один прекрасный день студия закипела. Мадам Нижинская только что прислала телеграмму, которую я сохранил: “С. П. Дягилев просит для укомплектования своей труппы пять лучших учеников мадам Нижинской”. Они были указаны. Пятый не явился. Мой энтузиазм подсказал решение: я поеду вместе с другими» [1, с. 205].

Этот «пятый» (а может быть и первый в списке?) был Олег Сталинский. На сей раз он сам отказался уезжать по нескольким причинам. Во-первых, серьезно заболел чахоткой отец и уже не мог больше работать и содержать семью (учиться продолжали старший брат Сева и младшая сестра Лида, хворала мать), а заработки Олега были опорой семейного бюджета; во-вторых, он был счастлив своей работой в театре, где был много занят в разных спектаклях; в-третьих, его жизнь в родном Киеве казалась ему лучше и надежнее, чем неизвестно какая где-то за границей.

Сергей Лифарь и еще четверо киевских беглецов — Лапицкий, Унгер, братья Хоэры, опасно, через Польшу, нелегально пробрались в Париж к Сергею Дягилеву. «О моем отъезде

Илл. 7. Олег Сталинский. Раб. «Шахерезада». 1946

Илл. 6. Портрет Олега Сталинского. 1972

я известил только мою мать, которую видел тогда в последний раз. В минуту прощания она благословила меня, и я увидел в ее глазах такой испуг, что этот взгляд постоянно преследует меня. Ее взгляд — такой чистый, такой скорбный напомнил мне взгляд той лани, которую я, совсем еще мальчишка, убил стянутым у отца ружьем, когда она пришла напиться и стояла вблизи от меня. То была единственная жизнь, которую я когда-либо отнял, и я не могу забыть, как, умирая, она с глазами, застланными слезами, лизнула мне руку» [1, с. 206].

Встреча с Дягилевым в Париже насторожила обе стороны: для вновь прибывших стало ясно, что обещанные гонорары резко сокращаются, а Дягилев после их просмотра (экзамена) орал в своем кабинете на Нижинскую: «Броня, Вы обманули меня!... Ведь это же полные неучи!... И Вам не стыдно было их так расхваливать?... Я не могу, я не хочу, я не буду с ними работать!... Я их отправлю назад в Россию! ...Выписать из Лондона Войцеховского и Идзиковского! Немедленно!» [1, с. 10]. Но Сергея Лифаря он все-таки оставил в кордебалете, затем выделил среди других, приблизил к себе и сам занялся его воспитанием, всячески способствуя его карьере.

Лифарь истово стремился к техническому совершенству, все время истязал себя изнурительными тренировками, добился высокого прыжка и пластичности тела. Дягилев поддержал его и через год доверил участие в новом спектакле «Свадебка» на музыку И. Ф. Стравинского, которая ему оказалась ритмически ближе, чем классическая. Сергей начал выступать под именем Серж Лифарь. Дальнейшая его карьера стремительно расцветала под покровительством С. П. Дягилева. Танцовщик, обладающий развитой техникой, музыкальностью, драматической экспрессией и лиричным даром, достиг больших успехов

Илл. 8. Олег Сталинский. Базиль. «Дон Кихот». 1950

в балете и, после смерти Дягилева и развала «Русских сезонов», он был приглашен в театр парижской Гранд-Опера и возглавил балетную труппу: был солистом, педагогом-репетитором, балетмейстером. Всего поставил более 200 балетов в разных театрах и балетных труппах Европы и США. Развивал традиции академического танца, повысил значение мужского сольного и дуэтного танца, основал в Париже институт хореографии. Серж Лифарь стал всемирно известным деятелем балетного искусства [2, с. 318–319]. В Советском Союзе он считался изменником Родины и не мог надеяться больше еще когда-нибудь оказаться в России.

Жизнь другого молодого танцовщика, солиста Киевского театра оперы и балета Олега Сталинского разворачивалась вполне успешно. Он танцевал ведущие партии в спектаклях обширного репертуара — классического, народного и новаторского, совершенствовался на хореографическом отделении киевской «Центростудии», часто ездил на стажировки в Ленинград и брал уроки у известных мастеров вагановской школы — Е. О. Вазем, В. А. Семенова, В. И. Пономарева, тренировался вместе со студентами училища и молодыми артистами театра, считал себя воспитанником петербургской школы балета.

В 1930 г. Олег Николаевич был послан от Киева в Москву на конкурс среди артистов музыкальных театров страны. По программе конкурса танцовщики должны были показать сложнейшие вариации из разных классических и современных балетов. Олег много готовился и разучивал новый для себя репертуар, так как в Киеве тот был в основном народного колорита. О. Сталинский стал победителем конкурса и был принят в труппу Государственного академического Большого театра. Он был счастлив!

Однако после громкого успеха на конкурсе его ожидало разочарование. Он был принят в штат Большого, поселили его в общежитии и назначили минимальную зарплату. Он усердно посещал каждодневные уроки и общие репетиции, но занят был лишь в «стоячем кордебалете». Его там целый сезон продержали без ролей, а он с этим мириться не захотел и уехал из Москвы.

Во время конкурса он получал приглашения от руководителей разных театров страны, и теперь воспользовался предложением от дирекции Свердловского театра оперы и балета, и по контракту был принят туда ведущим танцовщиком. Им в его свердловском репертуаре были освоены главные партии в спектаклях: «Спящая красавица» (Дезире, Голубая птица), «Лебединое озеро» (Принц), «Жизель» (Альберт), «Тщетная предосторожность» (Колен), «Конек-Горбунок» (Иванушка), «Эсмеральда» (Феб), «Дон Кихот» (Базиль), «Шопениана» (дивертисмент) и другие.

По воспоминаниям Олега Николаевича, это был период подъема большого интереса к балетному искусству в промышленном городе, и руководство театра сформировало очень сильную творческую труппу. Сам он в эти годы испытал собственное огромное наслаждение классикой. «Голодные до искусства»

Илл. 9. Мария (Г. Уланова) и Хан Гирей (О. Сталинский). «Бахчисарайский фонтан». 1943

свердловские зрители заполняли театральный зал, искренно опереживали балетному действию, благодарно приветствовали исполнителей. Он любил повторять, что там появилась у него армия поклонников и особенно поклонниц, которые всегда радушно принимали его выступления, а позднее даже ездили за ним на его спектакли в театры в другие города, где он (опять успешно!) премьерствовал, работая по контрактному ежегодному набору в труппы. Это были: Минск, Тбилиси, Одесса.

В Одесском театре оперы и балета застала его Великая Отечественная Война. Преисполненный искренним чувством патриотического долга записался он в Красную Армию, получил в военкомате солдатское обмундирование, собрал легкий вещмешок, сложил туда балетные тапочки (для экзерсисов), и в ожидании отправки на передовую, взобрался на высокий пригорок и устроился там наверху писать стихи. В это время начался налет фашистских самолетов, и какой-то вражеский летчик обстрелял снарядами эту сопку. Солдат Сталинский сразу был контужен и ранен в ноги. Санитары его перебинтовали и успели последним водным транспортом вывезти морем из горевшей Одессы. Последовала эвакуация в Алма-Ату и длительное лечение в госпитале. Врачи говорили, да и он сам понимал, что больше ему не танцевать.

В Алма-Ату были эвакуированы многие деятели культуры Советского Союза: писатели, поэты, артисты, кинорежиссеры. Они посещали раненых воинов, беседовали с ними, выступали с концертами в госпиталах. Олег Николаевич был активным участником таких встреч, интересным собеседником и позже, вспоминая об этом, называл имена Самуила Маршака, Михаила Зощенко и других. Но главное, в чем ему повезло, так это в том, что именно в Алма-Ату были эвакуированы из Ленинграда Университет и Кировский театр. Олег еще в юности увлекался изучением французского и английского языков, и, находясь в госпитале, был принят в Ленинградский университет имени А. А. Жданова на факультет иностранных языков и с отличием защитил диплом по обеим языковым специальностям.

В госпитале же его часто навещали коллеги-артисты из Кировского театра, и он, лишь только встав на костыли, стал приходить к ним на репетиции и спектакли. Галина Уланова подначивала его тренироваться и звала готовиться к выступлению в «Бахчисарайском фонтане», пусть не в роли Вацлава — жениха Марии, но хотя бы в роли Хана Гирея, которому не нужно прыгать. И это случилось!

В архиве Олега Николаевича сохранилась фотография друга из спектакля «Бахчисарайский фонтан» — Мария (Галина Уланова) в объятиях Хана Гирея (Олега Сталинского), с автографом: «Милому Олегу на память о выступлении. Г. Уланова. 17/ IX 1943 г.». На всю жизнь их скрепила дружба.

В 1945 г. Театр им. С. М. Кирова вернулся из эвакуации в Ленинград, а Олег Николаевич после демобилизации вернулся в родной Киев.

Через год после возвращения О. Н. Сталинского на сцену Киевского театра оперы и балета имени Тараса Шевченко, он принял предложение Министерства культуры Украины поехать во Львовский театр оперы и балета имени Ивана Франко, где формировалась новая труппа молодых артистов оперы и балета, а он как опытный мастер сцены должен был помочь в этом. Ему уже исполнилось 40 лет, и он понимал, что теперь его репертуар переставал быть «прыжковым», но становился даже более театральным, драматичным, партнерским. Как прирожденный лицедей он очень выразительно «лепил» роли второго плана, делал их острохарактерными, и зрители всегда отмечали и горячо приветствовали его появление и работу на сцене.

Театральный сезон на стационарной сценической площадке длился 9 месяцев — с сентября по май, а потом начинались гастроли. Железнодорожники сходили с ума, так как одновременно мчались во всех направлениях, в основном на юг, отдыхающие граждане и стремившиеся доставить им удовольствие большие театральные коллективы. Случалось так, что на каком-нибудь разъезде, ожидая пути, встречались театры Москвы и Ленинграда, Киева и Минска, столиц и городов разных республик, устраивали концерты прямо на привокзальных платформах. Знаменитые театры приезжали в малые города. На местах люди ожидали их приезда, торжественно приветствовали, зрители спешили поймать, не упустить редкую возможность увидеть новые спектакли, любимых артистов, поддаться сильным художественным впечатлениям.

Советские труженики имели право на отдых, не только на освобождение от повседневного труда, но и на насыщение

отпуска культурными программами и художественными впечатлениями. Олег Николаевич любил рассказывать о гастролях, артистам нравилась суматоха и неожиданности таких переездов со спектаклями. Потом вспоминалось много смешных курьезов и трогательных встреч. Именно на гастролях артистами острее переживались зрительские приемы и выражения признательности, бурные овации. Гастрольные спектакли требовали постоянного творчества и в организации, и в игре, и в оформлении, и в мизансценах.

Две актерские судьбы — Олега Николаевича Сталинского и Сергея Михайловича (Сержа) Лифаря, начав свое развитие из одной точки во времени и пространстве, оказались совсем не похожими, но неизмеримо насыщенными событиями, встречами, творчеством, искусством.

Им все-таки привелось вновь встретиться на театральной сцене через 45 лет после расставания. Это произошло во время открытия Первого Международного конкурса артистов балета в Москве, 11–23 июня 1969 г., в Государственном академическом Большом театре. Председателем конкурса была Галина Сергеевна Уланова, а Серж Лифарь и Олег Сталинский были приглашены в качестве почетных гостей конкурса. Лифарь сопровождал члена международного жюри от Франции Шовире Иветт — многолетнюю партнершу и подругу, исполнительницу многих его балетных постановок, а Олег представил ему своего взрослого сына Павла Сталинского — артиста балета Кировского театра оперы и балета в Ленинграде. Молодому человеку старая и обрюзгшая знаменитость не понравилась, и он поспешил ретироваться, а Олег и Серж встретились очень тепло, даже радостно. Несколько дней подряд они разговаривали, расспрашивали друг друга и рассказывали о своей жизни, а потом навсегда распрощались.

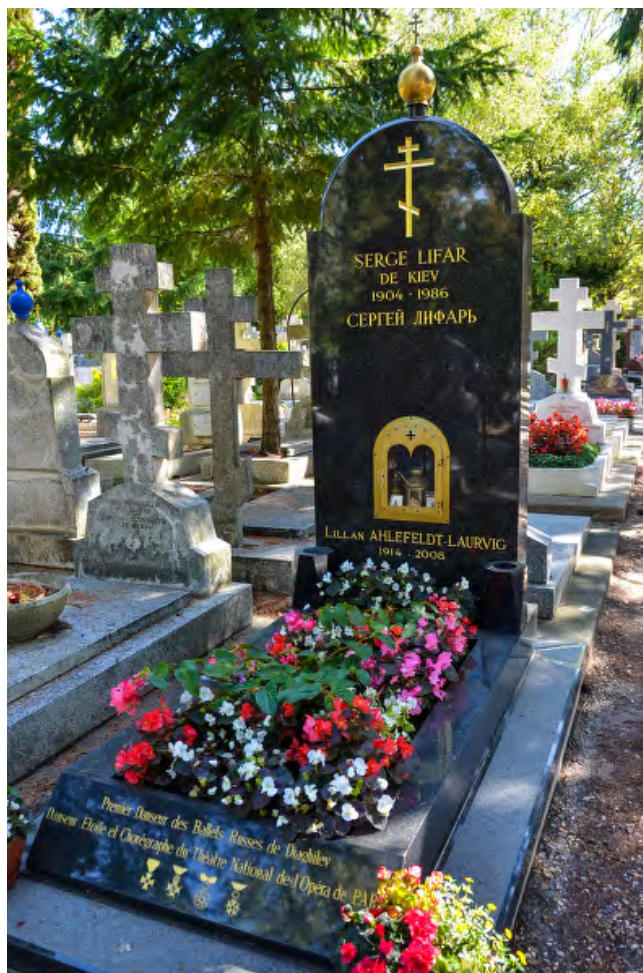

Илл. 10. Олег Сталинский. Феб. «Эсмеральда»

Илл. 11. Памятник Олега Сталинского

Илл. 12. Памятник Сержа Лифаря

Скончался Серж Лифарь (Сергей Михайлович Лифарь) 16 декабря 1986 г. в Лозанне (Швейцария) на 82 году жизни, похоронен недалеко от Парижа на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. На его могильном памятнике выбита лаконичная надпись: «SERGE LIFAR DE KIEV. Сергей Лифарь из Киева».

Олег Николаевич Сталинский скончался во Львове 16 мая 1990 г. в возрасте 84 лет, похоронен на львовском Лыча-

ковском кладбище, на театральном участке. Надпись на памятнике — «Заслуженный артист Украины Сталинский Олег Николаевич». На памятнике установлена мраморная стела, на которой выбит рельеф, изображающий отдыхающего танцовщика. Автор — скульптор Евгений Ротанов, модель — Павел Сталинский.

Закончились жизни двух рыцарей балета, но души их витают в атмосфере театрального искусства.

Список источников:

1. Лифарь С. С Дягилевым: Монография. СПб.: Композитор, 1994. 224 с.
2. Балет. Энциклопедия. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1981. 623 с.
3. Архив О. Н. Сталинского.

References:

- Balet. Entsiklopediia (Ballet. Encyclopedia)*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1981. 623 p. (in Russian)
 Lifar S. S *Diagilevym: Monografiia (With Diagilev: Monograph)*. Saint Petersburg, Kompozitor Publ., 1994. 224 p. (in Russian)